

ФІЛОСОФІЯ НАУКИ

УДК 165.023:194

И.С. Кравченко

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
аспирант каф. философии

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТА «ОСНОВАНИЙ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ» В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

В статье анализируется концепт «оснований научного знания» с исторической точки зрения. Трансформация понятия оснований научного знания связана с изменениями исторического типа рациональности. Отмечается, что современная эпистемология не «порвала» с классическим фундаментализмом в трактовке концепта «оснований».

Ключевые слова: основания научного знания, тип научной рациональности, эпистемологический фундаментализм, эпистемологический антифундаментализм.

І.С. Кравченко

ДО ПИТАННЯ ПРО ТРАНСФОРМАЦІЮ КОНЦЕПТА «ПІДГРУНТЯ НАУКОВОГО ЗНАННЯ» В ФІЛОСОФІЇ НАУКИ

У статті аналізується концепт «підґрунтя наукового знання» з історичної точки зору. Трансформація поняття підґрунтя наукового знання пов'язана зі змінами історичного типу раціональності. Підкреслюється, що сучасна епістемологія не має спільних рис з класичним фундаменталізмом у трактовці поняття «підґрунтя».

Ключові слова: підґрунтя наукового знання, тип наукової раціональності, епістемологічний фундаменталізм, епістемологічний антифундаменталізм.

I.S. Kravchenko

ON THE ISSUE OF TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF "FOUNDATIONS OF KNOWLEDGE" IN PHILOSOPHY OF SCIENCE

In this paper the concept «the Foundations of Knowledge» from the historical point of view is discussed. The transformations of «the Foundations of Knowledge» is performed under the influence of the changes types of scientific rationality. Contemporary epistemology has been moving away from classical foundationalism.

Key words: foundations of knowledge, foundationalism, anti-foundamentalism, type of scientific rationality.

В том, каким образом возникает мысль, как формируется знание, каковы условия и механизмы новообразования в сознании – одна из удивительных загадок мышления. Осмысление предельных оснований познания, векторов и направлений интеллектуального поиска относится к традиционной философской проблематике, однако за время своего существования существенно эволюционировало, и сегодня

концепт оснований научного знания является одним из наиболее сложных и запутанных в философии. Под «основаниями научного знания» подразумевают:

- основания научных теорий (предпосылки формирования теории, факторы, влияющие на формирование теории; онтологические допущения в теории);
- факторы, обуславливающие процесс познания;
- основания мышления;
- предпосылочное знание;
- и, наконец, основания науки как социального института.

Различные вариации употребления понятия оснований создают дополнительные сложности в исследовании заявленной тематики. Соответственно, актуализируется проблема ретроспективного взгляда на концепт оснований научного знания, изучение его трансформаций в связи с переходом от классической к неклассической и формирующейся постнеклассической рациональности. Отдельные аспекты данной проблематики раскрываются в работах Ж. Бокошова, М.К. Мамардашвили, В.И. Метлова, Л.А. Микешиной, В.С. Степина и др., но в целом заявленная проблема требует обобщения и систематизации полученных результатов, что и определяет цель настоящей работы.

Поиск истинных, непосредственных начал знания, фундамент для которого был заложен еще в античной философии, получил существенный импульс развития в эпоху классической рациональности. В соответствии с платформой трансцендентализма, в рамках которой была развита классическая рациональность, познание истолковывалось как определяемое структурой самого сознания. Познавательное, субъект-объектное отношение к миру представлялось прозрачным, полностью отрефлексированным, а содержание сознания – данным в чистом, эксплицитном виде, исключающем неконтролируемые, неявные компоненты и процессы. «Отношение к миру как разумному в конечных своих основаниях, упорядочивающемуся под знаком благосклонности к человеку, было основной внутренней установкой классической философии, ее глубинной «интенцией» [1, с.48]. Этому центральному ожиданию соответствовало представление о субъекте познания как существе, призванном (и способном) абсолютно мыслить, т.е. осуществлять познавательные акты с сознанием их «чистоты» и беспредпосылочности, с убеждением, что образы и знания, возникающие в голове интеллектуала, как бы по самой своей природе представительны и абсолютны» [1, с. 50]. Соответственно, в деле достижения абсолютного знания о мире главной проблемой стало выявление нормативов, эталонов, позволяющих отделять знание от незнания, а истинное от ложного, а затем – одностороннее обоснование знания с позиций соответствия выявленным нормативам (фактам эмпирического опыта).

Характеристики «эталонного», базисного знания были сформулированы еще Р. Декартом. Философ указывал, что основы знания следует понимать как «начала» последнего – знание непосредственное и безусловно истинное. Далее, «...для этих начал существует два требования. Во-первых, они должны быть столь ясны и самоочевидны, чтобы при внимательном рассмотрении человеческий ум не мог усомниться в их истинности; во-вторых, познание всего остального должно зависеть от них так, что хотя начала и могли бы быть познаны помимо познания прочих вещей, однако, обратно, эти последние не могли бы быть познаны без знания начал» [3, с. 52].

Поиск самодостовверных, чистых начал в классической рациональности был осуществлен в системах эмпиризма (Дж. Локк, Д. Юм) и рационализма (Р. Декарт, Г. Лейбниц). В классическом эмпиризме критерием достоверности научного знания выступало его соответствие истинам опыта, достоверность которых гарантировалась тем, что они являются обобщением чувственных данных, которые в свою очередь, выступают результатом воздействия природных объектов на органы чувств человека. В рационализме же фундаментом знания признавались аксиомы, из которых

посредством дедукции – трансляции знания от посылок к заключениям достигается идеал знания. Для достижения этого фундамента представлялось необходимым отказаться от всяких предрассудков, предпосылок, непосредственно принимаемых как истинные, – «и начать с мышления, чтобы, лишь исходя отсюда, достигнуть чего-то прочного и приобрести чистое начало» [3, с. 49].

Усилия философов Нового времени, таким образом, были сосредоточены на поиске уровня знания, который не был бы замутнен примесью субъективного, или антропологического фактора. При этом осознавалось, что сами гарантии полной объективности субъективны, однако субъективный фактор в построениях описываемого типа понимался как таковой, который отношения к собственно основаниям знания не имеет.

Исключение составляет подход И. Канта. В отличие от эмпирической и рационалистической традиции в теории познания он указывал, во-первых, на конструирующую деятельность разума в процессе познания всеобщего. В соответствии с воззрениями Канта, опыт не может быть источником аподиктического – безусловно всеобщего и необходимого – знания. Решительнее, чем свои предшественники, Кант утверждает, что безусловно всеобщий и безусловно необходимый характер достоверного знания может быть получен не из эмпирического, а только из априорного источника, коренится в функциях сознания. Но вместе с тем, Кант решительно отклоняется от своих предшественников в учении о самих формах сознания, порождающих априорные знания. Он первым усомнился в безусловности, данности, непреложности познания и показал, что познание является результатом отношения субъекта к объекту, а знание может быть обосновано ровно в той мере, в какой объект познания является результатом деятельности субъекта. Во-вторых, Кант указывает на то обстоятельство, что в деятельности теоретического разума обнаруживается более фундаментальное основание – практический разум. Однако подход к основаниям знания, репрезентированный Кантом, получил распространение только к концу XIX – началу XX вв., вплоть до этого времени усилия философов были направлены на развитие потенциала понимания оснований научного знания как «непосредственных начал», заложенного в системах рационализма и, главным образом, – эмпиризма.

«Обосновательная» платформа получила эксплицитное воплощение в позитивистской философии (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Мах) и до логического завершения была доведена в неопозитивизме (А. Айер, М. Шлик, Р. Карнап и др.). Но, если в позитивизме проблема связи «верхних этажей» знания с «непосредственно данным» формулировалась как проблема происхождения «идей» и понятий из ощущений и восприятий, то неопозитивисты переводят проблему в логический план. Отношение к «эмпирическому базису» рассматривается последними не как связь понятия и восприятия, раскрываемая через ассоциативный процесс формирования понятия, а как логическая связь внутри системы знания, выраженная в языке.

Таким образом, в рамках методологии классического рационализма итогом осмысления оснований научного знания явилось представление этого слоя как «базиса», предельно логизированной, объективистской системы знания, отсекающей всю палитру вненаучных и донаучных компонентов [2, с. 48].

Однако, крах неопозитивизма и сопутствующее ему осознание того, что объект исследования невозможно описать «непосредственно», невозможно выделить «чистый» чувственный опыт, претендующий на роль базиса научного знания; нельзя свести теоретический базис к эмпирическому, поскольку из опыта нельзя вывести концептуальные принципы и идеализации, познавательный процесс нельзя редуцировать к эмпирическим процедурам, соответственно, идеал всесторонне обоснованного, «прозрачного» знания недостижим, обусловили ситуацию «фундаментальной эпистемологической неопределенности» в философии науки. Стало

очевидно, что реальность «сама по себе» не представлена познающему субъекту, он может иметь дело лишь с ее определенными, опосредованными аспектами и, возможно, никогда не достигнет абсолютного знания о мире [6, с. 24].

Таким образом, проблема выявления оснований знания – так, как она понималась в классической эпистемологии, снимается. Происходит смещение фокуса исследования: от традиционной гносеологической концепции осмысления аподиктических оснований научного знания, от анализа сознания (мышления) философы обращаются к исследованию факторов, опосредующих восприятие исследуемого аспекта реальности. Постулируется, что основания научного знания являются продуктом конвенции, и находятся в плоскости взаимодействия сообщества ученых [9, с. 18-21].

Исследования этого периода, прямо или косвенно связанные с изучением «базиса» научного знания, можно, с определенной долей условности, классифицировать следующим образом:

– работы, посвященные анализу языка науки как фактора, опосредующего восприятие реальности, а так же коммуникации в научном сообществе как главной формы бытования языка;

– исследования, сфокусированные на проблемах социально-культурной детерминированности научного познания;

– исследования, сконцентрированные на изучении культурных, ценностно-смысловых предпосылок появления научного знания.

Первое направление было репрезентировано в аналитической философии и существенно развито в конструктивизме, структурализме, постструктурализме etc. В этих парадигмах утверждается понимание научного знания как элемента «сетей» социальной коммуникации, не затрагивающего самой объективной реальности, то есть не имеющего объективного содержания, а соответственно, понимания базиса науки как продукта конвенции сообщества ученых.

Второе направление представлено исторической школой постпозитивизма (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, Л. Лаудан и др.), в которой проблема коммуникативной природы научного знания переходит на более высокий уровень рефлексии и формулируется уже как проблема социокультурной детерминации научного познания, выявления и разграничения явных и неявных предпосылок, способов их «вхождения» в знание и функционирования в познавательной деятельности. Благодаря усилиям философов-постпозитивистов, в исследовательское поле оснований научного знания было включено понимание знания как элемента системы культуры, подверженного историческим изменениям, а соответственно, историчности критериев научности последнего. В постпозитивизме вопрос о социокультурной обусловленности науки получил различные версии экспликации. С одной стороны (К. Поппер, Л. Лаудан, В. Ньютон-Смит), признается, что социокультурные факторы, как некий «фон» влияют на когнитивные процедуры, однако определяющее детерминирующее воздействие на научный проект оказывают сугубо когнитивные процессы. С другой (Т. Кун, Д. Дэвидсон и др.), утверждается, что без проблематизации социокультурных установок нельзя понять не только внешнюю, но и внутреннюю историю науки.

Проблемы социокультурной детерминированности оснований научного знания получили разработку в трудах и отечественных философов науки, в особенности же представителей минской методологической школы во главе с В. С. Степиным [5, с. 118]. Отечественные методологи сосредоточили внимание на социально-практической природе научного познания, на том, как и в какой форме социальный и культурно-исторический моменты входят в содержание знания и влияют на способы и результаты познавательной деятельности. Были выделены компоненты, через которые, принимая

форму ценностного сознания, социальная и культурная детерминация входит в само содержание научного знания и познавательную деятельность субъекта исследования. В отечественной философии и методологии науки так же традиционно уделялось значительное внимание связи слоя научного знания с ценностно-мировоззренческими компонентами сознания, неявному предпосылочному знанию и его влиянию на формирование научных теорий [7, с. 232].

Третье направление исследований оснований научного знания репрезентировано в рамках концепций, альтернативных постпозитивизму: философской герменевтики (В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикер, Ю. Хабермас), феноменологии (Э. Гуссерль), «понимающей социологии» (А. Шюц, Ч. Кули, Г. Гарфинкель, Б. Вальденфельс). В этих парадигмах исследовался «культурный контекст» оснований научных знаний, предпосылки научного сознания, вопрос о соотношении научного разума с вненаучными формами рациональности – мифом, опытом «повседневности» и т.д.

Идея о социокультурной детерминированности научного познания достигла логического завершения в конце XX в. в работах сторонников «сильной программы» социологии знания Б. Барнса и Д. Блура, концепции науки С. Вулгара и Б. Латтура, социально-конструктивистском подходе К. Кнорр-Цетины и ее сторонников. По мнению указанных авторов, социально-культурные факторы детерминируют не только форму, но и содержание научного знания. Вследствие этого научный проект лишается собственной когнитивной специфики и редуцируется к социальным обстоятельствам порождения знания.

Таким образом, признание культурно-исторической обусловленности научного знания спровоцировало формирование в современной эпистемологии мощной релятивистской тенденции [6, с. 78]. Последняя опасна тем, что создает условия для превращения науки в самоценность, более не служащую удовлетворению естественно-витаальных, исторических, но разумных, необходимых для достойной жизни потребностей, а ориентирует ученых на поиск нового, пусть бы оно и оценивалось как сомнительное.

XX в., в особенности его вторая половина, стал поворотным пунктом в исследовании концепта оснований научного знания – обосновательная проблематика, уступила место исследованиям, сконцентрированным на изучении проблем, связанных с получением, развитием и ростом знания, фактически не соотносящихся с предметным уровнем последнего. Если вплоть до 30-х XX ст. понятие об основаниях научного знания связывалось с существованием его фундаментальных (аподиктических) форм, независимых от познающего человека и постигаемых с помощью рассуждений, то впоследствии философы пришли к выводу, что основания науки, если вообще уместно говорить о ее основаниях, коренятся в самой познавательной деятельности, связанной с производством знаний [8, с.13].

Сегодня стало очевидным, что основания научного знания не исчерпываются одними только гносеологическими параметрами, а представляют собой «исторически сложившиеся формы ценностных и исторических ориентиров, отражающих социально-культурную детерминацию познания, выполняющих нормативные – философско-методологические и мировоззренческие функции» [8, с. 178]. Это «открытие» с одной стороны, создает «питательную почву» для эпистемологического релятивизма и тенденции к «девальвации» научного знания как такового, но с другой стороны, заставляет исследователей обращаться к более глубинным – ценностным и мировоззренческим компонентам как к стержню науки.

Перелік посилань

1. Мамардашвили М.К. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия и наука. [Текст] / М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев. – М., 1972. – С.40 – 55.
2. Бокошов Ж. Предпосылочное знание (гносеологический анализ). [Текст] / Ж. Бокошов.– Бишкек Илим. – 1991. – 159 с.
3. Декарт Р. Избранные произведения. Перевод с французского и латинского и вступительная статья Е.В. Соколова. [Текст] / Декарт Р. – М., 1950. – 701 с.
4. Метлов В.И. Основания научного знания как проблема философии и методологии науки. [Текст] / В.И. Метлов. – М., 1987. – 143 с.
5. Степин В.С. Теоретическое знание [Текст] / В.С. Степин – М., 1999. – 460 с.
6. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (к дискуссиям в современной эпистемологии). [Текст] / Е.А. Мамчур. – М., 2004. – 242 с.
7. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. [Текст] / Л.А. Микешина. – М., 2007. – 439 с.
8. Микешина Л.А., Опенков М.Б. Новые образы познания и реальности. [Текст] / Л.А. Микешина, М.Б. Опенков. – М., 1997. – 240 с.
9. Яковлев В.Ю. Ценностно-смысловые основания научного познания: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук. [Текст] / Ю.В. Яковлев. – Киров, 2009. – 47 с.